СЕРИЯ ВТОРАЯ
ФИЛОСОФИЯ

Л. А. МАНЬКОВСКИЙ

В. И. ЛЕНИН О ДИАЛЕКТИКЕ, ЛОГИКЕ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

9

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЗНАНИЕ

1959

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Л. А. МАНЬКОВСКИЙ

В. И. ЛЕНИН О ДИАЛЕКТИКЕ, ЛОГИКЕ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Печатается по рекомендации президиума правления Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва 1959

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Постановка вопроса о единстве диалектики, логики и теории познания	3
Логика как теория познания	9
Теория познания в узком и широком смысле слова	17
Логика диалектическая и логика формальная; их соотношение в свете рассматриваемой проблемы	22
Диалектика как теория познания диалектического материализма. Диалектический метод	32
Философская борьба на почве логики. Логика и ревизионизм .	38

В настоящей работе рассматривается вопрос о соотношении диалектики, логики и теории познания в философии диалектического материализма. Понимание этого вопроса определяется правильным решением основного вопроса философии об отношении между мышлением и бытием. В основе ленинского учения о единстве диалектики, логики и теории познания материализма лежит идея связи мышления с жизнью, теории с практикой. Сколько замечательных примеров строгого следования этой идее дает наша жизнь, наша партия, деятельность всего социалистического лагеря!

XXI съезд КПСС дает новый могучий толчок для осуществления связи нашей теоретической мысли и нашей политики с жизнью. Одно за другим следуют замечательные преобразования, обеспечивающие переход от социализма к коммунизму, и все с новой и новой стороны предстают перед нами великие всеобщие истины марксизма-ленинизма, обогащенные уроками революционной практики.

Постановка вопроса о единстве диалектики, логики и теории познания

В. И. Ленин, занимаясь философскими вопросами, уделял особенное внимание диалектической логике. Его политические выступления и теоретические работы опираются на диалектическую логику и сопровождаются специально логическим анализом. Он занимался изучением и очень подробным конспектированием логических работ Аристотеля и Гегеля.

В 1915 году, составляя «План диалектики (логики) Гегеля», В. И. Ленин попутно высказывает следующую мысль: «Если Marx не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В «Капитале» применена к одной науке диалектика, логика и теория познания материализма [не надо 3-х слов: это одно и то же], взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»[1].

Общее положение о единстве диалектики, логики и теории познания разделяется Лениным на два частных положения,

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 315. Изд. 4-е.

конкретизирующих общее: в первом утверждается, что логика есть теория познания, во втором, что диалектика есть теория познания. В этой связи видно, что главная идея Ленина заключается в подчеркивании того, что логика и диалектика должны характеризоваться гносеологически, должны рассматриваться с той стороны, с которой они выступают в качестве теории познания.

В. И. Ленин, в связи с анализом гегелевской критики чисто формального понимания логики у Канта, высказывает мысль о том, что логика есть теория познания. Кант понимает под логикой учение о формах человеческой мысли как таковых, учение, если можно так выразиться, о скелете мышления, об его схеме, независимо от самого процесса мышления: «анатомию» мысли он хочет понять вне ее «физиологии». Такую логику Гегель характеризует: «безжизненные кости скелета». С точки зрения Гегеля, как диалектика, формы человеческой мысли не могут быть поняты, если отвлекаться при этом от познавательных функций каждой из этих форм и их всех, вместе взятых, если не рассматривать логические формы мысли как своеобразное отражение в голове человека типичных форм, в которых осуществляется всякое развитие в объективном мире.

Комментируя эти рассуждения Гегеля, Ленин считает их верными, если отбросить идеалистическую «заднюю мысль» Гегеля, и со своей стороны замечает, что задача логической науки должна заключаться не в простом описании форм мышления, а в исследовании того, каким образом мышление в разнообразных его формах ведет человека к познанию истины, к глубокому познанию действительности. Высказав эту мысль, Ленин добавляет: «В таком понимании логика совпадает с *теорией познания*. Это вообще очень важный вопрос»[1].

Таким образом, диалектическая логика, в отличие от формалистской логики, рассматривает мышление не изолированно, а в тесной связи с объективным миром, который является предметом познания. Важнейшим вопросом диалектической логики является вопрос об истине, но вопрос об истине не может быть даже поставлен, если мышление берется само по себе, вне его познавательной функции в отношении бытия. Поскольку важнейшим для логики является вопрос об истине — она по существу есть *теория познания*, теория форм и законов проникновения мысли в тайны объективного мира,— постольку ее, логику, интересует не только мысль, но и отражаемая ею действительность. В логику, понимаемую как теория познания, вносится онтологическая проблема, т. е. учение о самой действительности. При этом не снимается, конечно, специальное, особое значение исследования специфических, особых, т. е. собственно логических форм и законов мысли, но этому иссле-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 165.

дованию придается более глубокий и подлинно научный характер.

Ленин считает рассмотрение логики в ее гносеологическом аспекте очень важным вопросом, потому что то или иное понимание предмета и структуры логической теории имеет мировоззренческое значение.

В рассматриваемом тезисе Ленина содержится не только идея единства *логики* с теорией познания, но также идея единства *диалектики* с теорией познания. Специально об этом последнем Ленин говорит в знаменитом фрагменте «К вопросу о диалектике»: «Диалектика *и е с т ь* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»[1].

Смысл этого замечания раскрывается в контексте. Ленин обращает внимание на то, что в любом, даже в самом простом предложении типа «Жучка есть собака», содержатся зачатки всех элементов диалектики: единство общего и единичного и т. п. Это есть свидетельство того, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика. Естествознание показывает, что не только мысль, а и вся объективная природа насквозь диалектична. Отсюда и делается вывод, что диалектика должна рассматриваться как теория познания, как *процесс отражения диалектикой мышления диалектики объективного мира.*

Этот вопрос связан с определением предмета философии как науки. На протяжении истории философии выяснились по крайней мере четыре ее стороны: 1) учение о бытии, о сущности мира (природного и общественного) в целом — *онтологическая* проблема философии; 2) учение о формах и законах мышления как такового, получившее название *логики;* 3) учение об отношении мышления к бытию в процессе познания — *теория познания* или *гносеология;* 4) учение о методе познания — так называемая *методологическая* проблема. В разных философских учениях эти стороны философии рассматривались то раздельно, в отрыве друг от друга, то в единстве, но при этом само единство между ними трактовалось по-разному.

С точки зрения марксизма, онтологическая и гносеологическая проблемы вместе с теорией исторического материализма составляют основное содержание философской науки; что касается логики и методологии, то так или иначе они включаются в гносеологию. По-видимому, Ленин именно это имеет в виду, когда возражает против вынесения диалектической логики и диалектики как метода за пределы теории познания.

В проблему вносится бо́льшая ясность, если рассмотреть две характерные ошибки, которые возникают из догматически

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 360.

поверхностного истолкования одной мысли Ф. Энгельса, высказанной им в «Анти-Дюринге» и в «Людвиге Фейербахе». Диалектический материализм, писал Энгельс, делает излишней всякую философию, предъявляющую претензию стать выше других наук. Когда к каждой отдельной науке предъявляется требование выяснить свое место в общей системе вещей и знаний, какая-либо особая наука об этой общей их связи становится излишней. Из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет лишь наука о мышлении — формальная логика и диалектика; все же остальное входит в положительные науки о природе и истории.

Эта мысль кажется противоречащей другой мысли Энгельса, что «диалектика есть наука о наиболее общих законах природы, общества и человеческого мышления». Первая мысль как будто исключает из философии онтологическую проблему и оставляет в ней просто учение о мышлении; вторая, наоборот, сохраняет онтологическую проблему, объективную диалектику, как существенный предмет марксистской философии.

На почве этого кажущегося противоречия возникают споры о предмете марксистской философии и, как часто бывает в таких случаях, каждая из спорящих сторон настаивает на одной из двух точек зрения и меньше всего задумывается над возможностью их *диалектического единства*. Одни настаивают на том, что диалектика есть только наука логическая и ничего онтологического в себе не заключает, а другие отвергают диалектику как логику и считают, что марксизм интересуется только онтологической проблемой.

Но стоит только внимательно отнестись к *сути* диалектики, чтобы сразу обнаружилась возможность единства и полная совместимость обоих приведенных выше высказываний Ф. Энгельса. В диалектике учение о мышлении и учение о бытии завязаны в один узел. С этой стороны диалектика выступает как теория познания: теория познания есть наука о связи в процессе познания обеих сторон: субъекта и независимого от него объекта, мышления и объективного мира.

Высказывание Энгельса не предполагает исключения из философии онтологической проблемы как самой по себе, так и в составе теории познания. В нем отвергается только попытка построить «систему», т. е. раз навсегда законченную схематическую картину природы, чем, например, занимался вульгаризатор Е. Дюринг, и стремление поставить философию выше всех наук, заменить все науки философией. Рассматривая философию как науку о мышлении, Энгельс включает в мышление диалектическую теорию познания и, таким образом, оставляет за философией ее коренной интерес к онтологической проблеме.

Что это именно так, очень хорошо выясняется при внимательном чтении статьи В. И. Ленина «Карл Маркс», написан-

ной в конце 1914 года, т. е. примерно в тот же период, когда им был сформулирован тезис о единстве диалектики, логики и теории познания материализма. В этой статье, написанной специально для энциклопедического словаря Граната, в которой дается краткая, но исчерпывающая характеристика марксизма, Ленин, определяя марксистскую диалектику, приводит обе формулировки Энгельса и, видимо, не находит, что они друг другу противоречат.

Почему Ленин не видит противоречия там, где оно, казалось бы, не могло не броситься в глаза? Ответ на вопрос мы находим в том добавлении, которое Ленин делает к заявлению Энгельса относительно того, что от всей прежней философии остается формальная логика и диалектика: «А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю,— говорит Ленин,— включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией...»[1].

Этим указанием решается вся проблема. Поскольку диалектика мышления представляет собой теорию познания, то она включает в рассмотрение обе стороны — и учение о мышлении, и учение о мире, о наиболее общих законах развития природы и общества.

Благодаря такому пониманию исчезает всякая почва как для ошибочного устранения из предмета марксистской философии онтологии, так и для пренебрежительного отношения к диалектической логике, *как к логике*.

Рассмотренные здесь мысли В. И. Ленина о теории познания, как о теории, включающей учение о субъективной и об объективной диалектике, непосредственно перекликаются со взглядами Иосифа Дицгена на этот вопрос.

В своем произведении «Аквизит философии» («аквизит» — значит достижения, приобретения) И. Дицген заявляет, что в предмет новой философии, т. е. философии диалектического материализма, входит теория познания, а в теорию познания входит онтологическая проблема. Наука о мышлении невозможна, если она в то же время не является наукой также о бытии — нельзя судить о копии, если в то же самое время не иметь суждения об оригинале. «Философия не может исследовать человеческий дух как *обособленный* объект. Она должна говорить об его *общей* природе. И так как общая природа нашего интеллекта есть именно та самая природа, которая является общей природой всякого другого предмета, то изучение общей природы... необходимо при специальном исследовании, касающемся природы человеческого духа»[2].

Итак, настоятельное подчеркивание Лениным той мысли,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 38.

[2] Иосиф Дицген. Избранные философские сочинения, стр. 166. Госполитиздат. 1941.

что логика и диалектика представляют собой теорию познания, означает требование, чтобы исследование мышления не отрывалось от исследования объективного мира.

Гносеологическая теория логики диалектически углубляет общематериалистическое положение, что мышление есть продукт и отражение природы. Старый материализм больше всего разрабатывал онтологический аспект основного вопроса философии: он утверждал, и совершенно верно, что мысль, как *способность* мыслить, есть продукт мозга и отражение внешних предметов в чувствах человека. Но для диалектического материализма этого утверждения недостаточно,— наряду с этим он требует дальнейшей разработки гносеологической стороны основного вопроса философии. Его не удовлетворяет бесспорно верное утверждение, что свойство мыслить возникло как свойство высокоорганизованной материи, — диалектический материализм интересуется также *процессом, ходом* мышления, и поэтому он подчеркивает необходимость *постоянного контакта* между мышлением и бытием.

Утверждение, что наука о мышлении есть теория познания, не допускает отрыва мышления от постоянно текучей действительности. Если бы действительность была раз и навсегда данной и неизменной, то не было бы нужды требовать от мышления постоянного контакта с действительностью, так как мышление тогда заранее соответствовало бы бытию. Но диалектика исходит из того, что действительность текуча, изменчива, и поэтому требование постоянного контакта мысли с действительностью делается существенной необходимостью: мысль не должна отставать от действительности, если она претендует на истинность. Наука о *движении* мышления не может не быть в то же время наукой о *движении,* о процессах самой действительности, т. е. теория познания должна включать онтологическую проблему.

Итак, есть два аспекта отношений между мышлением и бытием — онтологический и гносеологический. В первом из этих аспектов идет речь только о *происхождении человеческой способности мыслить,* но не о самом процессе мышления в его связи с бытием. Во втором аспекте речь уже идет не о способности мыслить и происхождении этой способности, но о происхождении наших *знаний,* которые все время изменяются и обогащаются, о процессе *познания.* Каждый из этих аспектов необходим, и материализм в обоих случаях стоит на точке зрения первичности бытия и вторичности сознания; но более последовательный материализм тем отличается от абстрактного материализма, что идет дальше признания онтологической зависимости мышления от бытия и дополняет его аспектом гносеологическим и вопросом о роли общественной практики. При этом, как мы уже видели, более высокий гносеологический подход к отношению между мышлением и бытием обязательно включа-

ет онтологическую проблему, так как при таком подходе действительность, бытие, обязательно рассматриваются как *постоянно действующий* фактор, всякий раз определяющий содержание мышления.

Еще Н. Г. Чернышевский, имея в виду материалистическую философию, говорил, что существенной особенностью философского мышления является чрезвычайное внимание к действительности. Это чрезвычайное внимание к изменяющейся действительности означает *конкретность подхода к ней,* учет всего нового, что появляется в действительном мире,— оно есть одно из главнейших требований диалектической логики. В этом требовании заключена гарантия против всякого абстрактного резонерства, против взгляда на текущие задачи «под углом зрения вечности» и с точки зрения давно прошедшего времени. Точка зрения диалектики, как теории познания, есть точка зрения *жизни,* всегда актуальной действительности. Это очень хорошо понимал и А. И. Герцен, который говорил: мы должны стоять не ниже жизни, не выше жизни, а в самом средоточии ее, подобно тому, как сердце находится в середине организма.

Нетрудно заметить связь между правильной постановкой этой проблемы и практическими выводами, которые из этого вытекают для всякого теоретического исследования, а также для политической борьбы как в прошлом, так и в наши дни.

Логика как теория познания

Как отмечалось, тезис В. И. Ленина, что «логика совпадает с теорией познания», сформулирован в связи с рассмотрением критики логической теории Канта в гегелевской «Науке логики». Гегель возражает против чисто формального понимания логики Кантом, утверждавшего, что предметом логической науки являются формы мысли сами по себе, вне их связи с объективной действительностью. Кант, замечает Гегель, устранил из логики проблему истины, обязательно означающую согласие познания с объектом, т. е. наличие двух сторон в процессе познания: субъекта и объекта. Кант, по меткому выражению Гегеля, напоминает человека, который думает, что можно научиться плавать, не входя в воду.

Логика, занимающаяся простым *описанием* форм мысли и их чисто внешней классификацией, не может претендовать на то, чтобы ее считали действительной логической наукой. Сущность всякой науки заключается в *необходимости* ее выводов, в заключенных в ней научных законах. Точно так же и сила логики как науки должна заключаться в ее закономерном и необходимом характере,— только такая логика убедительна и неопровержима. Ленин пишет о развитии «мышления в его

необходимости» [1], отмечает, что в логике должна быть *внутренняя необходимая связь*[2].

Но логика не может доказать свои законы сама из себя; она должна искать это доказательство в объективной закономерности и в том, что законы логики *соответствуют объективным* законам, своеобразно их отражают. Иначе говоря, логическая необходимость есть лишь специально мысленное выражение объективной необходимости. Признание, что логика — это теория познания, есть признание того, что сила логики состоит в ее неразрывной и никогда не прекращающейся связи с внешним миром, с *его* закономерностью, а также с общественной практикой. Энгельс писал об этом: «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой. Факт этот является бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления» [3].

Именно в постановке проблемы истины, причем *необходимой* истины, В. И. Ленин видит существенное значение логики; только в качестве теории познания логика есть логика в собственном смысле слова, т. е. *наука* логики.

В связи с этим возникает вопрос об отношении между *формами* мышления и его *содержанием*. Бесспорно, изучение, описание и классификация форм мысли имеет известный самостоятельный интерес,— во всяком случае не меньший интерес, чем описание каких-нибудь малозначительных видов животных и растений. Но простое описание форм само по себе ни в какой области, и тем более в области мышления, не составляет науки. Формы мысли, взятые сами по себе, напоминают только «безжизненные кости скелета». Содержанием мыслей является то, что познается, т. е. объективный мир, его развитие и его внутренняя необходимость. Логические формы мысли должны быть заполнены объективным содержанием; это придаст им жизни, приведет их в закономерную логическую систему, внесет в них логическую необходимость.

Ленин пишет: «Гегель же требует логики, в коей формы были бы gehaltvolle Formen [4], формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием» [5]. Эта мысль Гегеля, полностью разделяемая Лениным, может быть правильно понята прежде всего путем выяснения вопроса о том, чем именно с логической точки зрения является *содержание* мысли.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 82.
[2] См. там же, стр 85.
[3] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 349. Госполитиздат. 1953.
[4] Содержательными формами.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 80.

Говоря о содержании мысли, было бы неправильно пользоваться лишь грамматическими или же алгебраическими аналогиями.

Например, форма предложения всегда неизменна, совершенно независимо от того, какие именно мысли она выражает, — бессмысленные или же гениальные. Со своей стороны, алгебраические символы как раз для того и вводятся, чтобы подчеркнуть, что алгебру интересуют алгебраические зависимости, формы этих зависимостей, а не реальные величины, составляющие крайне изменчивое содержание этих форм. Например, в уравнении $2x = 3y$ необязательно знать, какое именно содержание вкладывается в x и в y; оно может быть самым различным, лишь бы сохранялась данная форма связи между ними, выраженная данным уравнением.

При таком толковании содержания, как чего-то совершенно безразличного к форме, и формы, как чего-то совершенно безразличного к содержанию, невозможно правильно понять мысль В. И. Ленина.

Рассмотрим пример из области искусства. Мы можем говорить о содержании художественного произведения и в смысле *сюжета* этого произведения, и в смысле выраженной в нем *идеи* [1]. Традиционное понимание содержания в логике относится скорее к первому, чем ко второму. Художественность формы литературного произведения не всегда зависит от его сюжета: в художественную форму можно облечь любой жизненный сюжет; однако художественность произведения находится в неразрывной связи с его идейным содержанием: только глубокие и прекрасные идеи могут породить прекрасную форму.

Никто, конечно, не будет настаивать на той странной мысли, что логические формы мысли должны быть поставлены в зависимость от заключенного в них «сюжета»; если бы такая зависимость существовала, то форм мысли было бы столько, сколько заключенных в них «сюжетов». Но логические формы мысли — категории и другие формы — являются отражением наиболее общих *форм* объективного мира: в них отражаются, как выражается Ленин, узловые пункты в сети действительности. В формах наших *суждений* отражены типичные объективные связи между вещами и их свойствами; в формах *умозаключения* отражены типичные связи между всеобщим, особенным и единичным в объективном мире, т. е. формы объективного закона.

Мы можем сослаться на один интересный пример аналогии между диалектическим умозаключением, с одной стороны, и соответствующим процессом в объективной действительно-

[1] В. Г. Белинский об этом писал: «У нас вообще содержание понимают только внешним образом, как «сюжет» сочинения, не подозревая, что содержание есть душа, жизнь и сюжет этого сюжета». (Избр. соч., т. 2, стр. 162).

сти — с другой. В диалектическом умозаключении, которое в логике называется силлогизмом, рассматриваются разные формы связи между суждениями о *единичных* вещах или явлениях с суждениями о *всеобщих* законах и с суждениями об *особенных* формах, в которых в разных случаях проявляются общие законы. Здесь возможны, по крайней мере, три такие формы связи: единичное — особенное — всеобщее; особенное — единичное — всеобщее; единичное — всеобщее — особенное; т. е. каждый из трех видов суждения занимает поочередно среднее место.

Обратимся теперь к знаменитому «Введению» Маркса к его работе «К критике политической экономии», в котором Маркс рассматривает взаимоотношение между четырьмя экономическими процессами: производством, распределением, обменом и потреблением. Об одной из форм взаимоотношения между этими процессами Маркс писал: «Производство, распределение, обмен, потребление образуют, таким образом, настоящий силлогизм: производство составляет в нем всеобщность, распределение и обмен — особенность, а потребление — единичность, замыкающую собою целое» [1].

В самом деле, производство выступает как исходный пункт всего общественного процесса, причем производство имеет всеобщий характер, так как взятое в широком смысле слова, а именно как процесс воспроизводства, оно обязательно включает в себя и распределение средств производства, и обмен продуктами, и потребление как продуктов, так и средств производства. Конечным пунктом всего общественного процесса является индивидуальное потребление, большая часть произведенных продуктов идет в единичное потребление. Серединой всего общественного процесса являются распределение и обмен, с помощью которых устанавливается связь между производством и потреблением.

В том, что *формы мысли,* например суждения и умозаключения разных видов, такие категории, как, например, качество, количество, отношение и т. п., представляют собой отражение и выражение соответствующих объективных форм, нет ничего удивительного. Человечество на протяжении своей многотысячелетней истории, в процессе наблюдения объективных явлений и особенно в практической деятельности, в процессе труда, не могло не придти к определенным обобщениям. С какими бы предметами или явлениями люди ни встречались, они всегда сталкивались с необходимостью узнавать их свойства в качественном и количественном смысле, их отношения и связи, их причины и следствия. Понятно, поэтому, что разные стороны бытия отразились в сознании в виде различных категорий, а

[1] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 200. Госполитиздат. 1953.

последовательность в явлениях природы и в отдельных актах трудовой деятельности людей отразилась в мысли в виде своеобразных форм логической последовательности и логических связей (суждения, умозаключения и т. п.).

В. И. Ленин говорит об этом: «...практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, *дабы* эти фигуры *могли* получить значение *аксиом*» [1].

О том, что в качестве содержания нашей мысли могут выступать *формы* объективного мира, свидетельствует также история языка. В общем и целом грамматическая структура всех языков однотипна, так как язык всюду и везде в своих грамматических категориях и структурах (например, имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол и т. д.) приспособлен для выражения логических форм, категорий, и сам он в этом отношении является языковым отражением объективных форм, выявившихся в процессе практической деятельности человечества.

Итак, логика занимается исследованием *форм мысли,* поскольку содержанием этих мыслительных форм являются *формы бытия.* При этом очень важно подчеркнуть следующую мысль. Дело в том, что некоторые логики-марксисты полагают, что они полностью стоят на материалистических позициях, если ограничиваются утверждением, что формы мысли представляют собой отражение форм бытия и что логические формы *раз и навсегда сложились* в процессе практической деятельности людей. Это утверждение верное, но недостаточное для того, чтобы быть последовательным, т. е. диалектико-материалистическим.

Диалектическая теория познания идет дальше: исходя из того, что формы мысли произошли, сложились как отражение форм бытия, она требует, чтобы *в каждом текущем акте познания,* в любом научном исследовании связи между мыслительными формами, последовательность перехода от одной формы к другой соответствовали бы тому, как в каждом конкретном случае складывается связь между формами в самой объективной действительности. Именно в этом состоит коренной смысл гносеологического понимания логики. Согласно этому пониманию простая ссылка на происхождение логических форм не гарантирует нас от идеалистических ошибок — необходимо исходить из факта постоянного контакта между формами мысли и формами бытия.

Диалектическая теория познания, составляющая логическую основу диалектического материализма, требует такого постоянного контакта, так как она не признает, что доказательство всегда и во всех случаях имеет одну и ту же логическую

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 181—182.

форму,— для разных видов бытия, для разных его сторон требуется применение доказательства различной формы. Ленин выделяет мысль, выраженную в «Науке логики», что «различные виды бытия требуют свойственных именно им видов опосредствования или содержат их в себе; поэтому и природа доказательства относительно каждого из них различна»[1].

Мысль, говорит Ленин, должна быть гибкой, должна применяться к исследуемому предмету. Ленин отличает «гибкость» эклектики и софистики от гибкости материалистической и диалектической. Гибкость в последнем смысле как раз и состоит в учете всесторонности материального процесса, разнообразия его форм[2].

После того, что было сказано о значении логики как теории познания, нетрудно понять следующее вполне исчерпывающее определение логики, данное В. И. Лениным: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира...» [3].

В это определение логики, как это можно ясно видеть, входит онтологическая проблема. Будучи наукой о *мышлении*, логика вместе с этим является *наукой об объективных законах развития материального мира.*

На первый взгляд, такое определение логики кажется растворением собственно логической проблематики в онтологии. Им как бы стирается своеобразие логических процессов и законов. Однако это совершенно неверное представление. Логика есть наука о мышлении, об его *логических* формах и законах, но дело в том, что мышление должно пониматься как процесс, как действующее, познающее мышление. Поэтому отношения между мыслями логика должна рассматривать не сами по себе, но поскольку мысли и отношения между ними соответствуют действительности. Чтобы пояснить это, сошлемся на одну из проблем, волнующих логику.

Известно, что одной из важнейших форм умозаключения является *дедуктивное* умозаключение, силлогизм. Общий смысл дедуктивного силлогизма заключается в том, что общее правило или закон распространяется на какой-нибудь частный случай. Аристотель пояснял смысл силлогизма таким примером:

Все люди смертны;

Сократ человек;

Следовательно, Сократ смертен.

Дано какое-то общее свойство целого класса явлений (большая посылка), затем указывается, что данный предмет принадлежит к этому классу, и затем делается вывод, что этот пред-

---

[1] В. И. Ленин Соч., т 38, стр. 137.

[2] См. там же, стр 99.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 80—81 .

мет должен также обладать этим свойством. Вместо *свойства* мы можем подставить *закон* или *правило* — суть дела от этого не меняется. В данной области явлений действует такой-то закон; данное явление относится к этой области; стало быть, закон распространяется и на это явление.

Принудительная сила вывода, его неоспоримость в таком силлогизме ни в ком не вызывает сомнений. Однако вместе с тем против силлогизма, как формы научного умозаключения, в философии нового времени были выдвинуты существенные возражения. Возражения эти относились не к самой силе этого вывода, как определенной формы доказательства того, что уже известно,— это не оспаривалось. Но было взято под сомнение, может ли силлогизм быть логической формой *научного* вывода, т. е. приспособлен ли он для открытия ранее неизвестных истин.

Смысл науки заключается в открытии *нового,* в приобретении новых знаний, а не в простом доказательстве того, что было известно раньше; поэтому научная мысль должна быть построена таким образом, чтобы из имеющегося знания можно было сделать вывод о чем-либо ранее неизвестном, получить новое знание. Но выполняет ли дедуктивный вывод это требование?

Противники силлогизма ответили на этот вопрос отрицательно. В самом деле, говорили они, в выше приведенном примере относительно смертности Сократа заключение не дает ничего нового по сравнению с большей посылкой. То, что Сократ смертен, было заранее предположено большей посылкой. Заключение оказывается просто тавтологией.

Действительно, *пример,* приведенный Аристотелем, если взять его со стороны его «сюжета», а не логической формы, как бы подтверждает правоту критиков силлогизма. То, что Сократ «оказался» человеком, как утверждает меньшая посылка, было и раньше известно. Но дело здесь не в «Сократе». Стоит поставить на место «Сократа» и вообще «людей», которые смертны, другие явления, чтобы раскрылся логический смысл дедукции. Допустим, мы знаем, что в данной области действует определенный закон. Вдруг мы обнаруживаем, что какое-то явление *X* о котором мы раньше не знали, к какой оно области относится, относится к этой же области, где действует данный закон; тогда мы получаем *новое* знание: явление *X* надо рассматривать как подчиненное такому-то закону.

Однако откуда мы взяли знание, что *X* принадлежит к данной области, в которой действует упомянутый закон, откуда берется меньшая посылка? В большей посылке об этом ничего не говорится,— меньшая посылка констатирует факт, который не дан и не может быть дан мыслью, извлечен из мысли,— он извлекается *из действительности.*

Итак, по существу силлогизм построен так. Нам дано общее знание, определенное содержание собственно мысли; оно тоже

пришло к нам из действительности и только в конечном счете стало мыслью; и все же теперь это — мысль. Но новое знание мы никак не можем извлечь из этого общего знания, как, например, паук извлекает из себя паутину (это сравнение дедукции с действиями паука принадлежит английскому философу XVII века Бэкону); чтобы получить такое новое знание, необходима меньшая посылка, а меньшая посылка, как правило, извлекается непосредственно из действительности. Силлогизм, таким образом, представляется, как соединение общего знания (закона или правила), являющегося достоянием мысли, *ранее* полученного из действительности, с частным знанием, которое *теперь непосредственно* получено из действительности.

Выходит, что сама структура мысли, даже в плане формальной логики, такова, что требуется постоянный ее контакт с действительностью, включение действительности в логику. Тем более это относится к диалектической логике.

Но включение действительности в логику, т. е. в исследование собственно мышления, диктуется не только тем, что знание новых фактов должно быть *присоединено* с помощью меньшей посылки к общему знанию, заключенному в большей посылке, для того, чтобы получить какое-то новое *частное* знание. Такой, более простой, случай мы встречаем, например, в той полемике, которую Г. В. Плеханов вел в своих ранних работах против народников. Народники утверждали, что марксисты говорят о невозможности для России придти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, только на основании общего положения, открытого Марксом; иначе говоря, они обвиняли русских марксистов в абстрактности, в непосредственном дедуцировании своего заключения из большей посылки. Г. В. Плеханов ответил, что это обвинение неверно: русские марксисты имеют в своем распоряжении не только общую посылку, теорию Маркса, но также *меньшую* посылку, в которой констатируется тот *факт,* что в действительности Россия *уже встала* на путь капиталистического развития и что именно *поэтому* на нее следует распространить общий закон, открытый Марксом, согласно которому социализму предшествует капитализм.

В этом примере жизнь, действительность содействует расширению, распространению общего закона на новые области, расширяет, так сказать, *объем действия* закона. Но диалектическое понимание логики позволяет видеть еще одно значение включения жизни в логику,—*когда жизнь, действительность расширяет или обогащает содержание закона, когда с помощью меньшей посылки углубляется значение большей посылки.* Нам не надо далеко ходить за примером. Общая теория марксизма, когда она применяется к разным конкретным условиям, остается в качестве такой общей теории в полной силе, но она, соприкоснувшись с жизнью, с ее особенностями, получает возможность *конкретизироваться, обогатиться. Всеобщее,* приоб-

щаясь к жизни, становится таким, каким его охарактеризовал В. И. Ленин: не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного.

Диалектическая логика учит обращаться к книге жизни, которая, если уметь ее читать, открывает множество теоретических истин, обогащающих общую теорию. Наша социалистическая практика имеет глубоко теоретическое значение и содержание. Н. С. Хрущев в своей речи на VII съезде Болгарской коммунистической партии, произнесенной 3 июня 1958 года, очень убедительно доказал это положение. Такие действия партии, как перестройка управления промышленностью и строительством, как новый подход к решению проблем сельскохозяйственного производства и дальнейшего развития колхозов, — все эти вопросы одновременно и практические, и теоретические.

«Каждый практический вопрос социалистического строительства,— говорил Н. С. Хрущев,— является одновременно и вопросом теоретическим, имеющим прямое отношение к творческому развитию марксизма-ленинизма. Одно от другого отрывать нельзя» [1]. XXI съезд КПСС дал новые замечательные примеры углубления марксистско-ленинской теории в связи с новыми практическими задачами.

Ленинское положение о том, что логика должна рассматриваться как теория познания, что логика есть не просто учение о мышлении, но в то же время учение об объективном мире и преобразующей мир практической деятельности людей, имеет, таким образом, громадное принципиальное значение. Это положение непосредственно связано с общефилософским принципом марксизма о необходимой связи теории с практикой, который был возвещен Марксом в «Тезисах о Фейербахе» и стал затем принципом деятельности марксистско-ленинской партии.

Теория познания в узком и широком смысле слова

Говоря о том, что логика есть теория познания, Ленин совсем не имеет в виду свести теорию познания к логике, вычеркнуть все, что относится к теории познания помимо логики. Он хочет только сказать, что логика должна *характеризоваться* как теория познания, т. е. как наука о законах познания объективной действительности, а также, что логика входит в качестве части или определенной стороны в состав более широкой науки, носящей название теории познания.

Понятие «теория познания» шире понятия «логика»,— вторая есть лишь часть или сторона первой. Логика есть теория познания, но теория познания есть нечто и помимо логики.

---

[1] «Правда» от 4 июня 1958 года.

Создатель логической науки Аристотель задумал логику как науку, относящуюся к теории познания, как науку об условиях истинного познания действительности. Но наряду с этим он поставил целый ряд других теоретико-познавательных проблем, сосредоточенных в его произведении «О душе». Здесь рассматриваются вопросы, относящиеся к *происхождению* наших знаний, а также проблема соотношения между знанием чувственным и разумным. Собственно говоря, гносеологические вопросы, поставленные здесь, относятся к области психологии, речь идет о коренных вопросах психологии познания.

Теория познания в ее психологическом аспекте существовала еще задолго до Аристотеля: ею занимались и Гераклит, и Демокрит, и Сократ, и Платон, и софисты, и многие другие философы. Наряду с онтологической проблемой, гносеологическая проблема играла видную роль еще задолго до греческой философии в философии Китая и Индии.

Попытки создания *логической,* если не науки, то проблематики, были задолго до Аристотеля, но именно он впервые дополнил психологический аспект теории познания аспектом логическим, создал специальную науку логики, как *определенный раздел теории познания.*

Великая заслуга Аристотеля заключается не только в том, что он исследовал ряд форм человеческой мысли, вплоть до тончайших ее оттенков, но и в том, что он не увлекся, так сказать, каталогизацией этих форм, а подчинил их рассмотрению своей основной задачи — выяснению условий истинного познания действительности. В центре его логического учения стоит великий вопрос об истине.

Исследуя условия истинного познания, Аристотель пришел к выводу, что познание должно подчиняться определенным *логическим законам,* если оно хочет постичь истину. Познание стремится не просто к истине, но к необходимой истине, к истине неопровержимой. Этого требует, в частности, открытый им знаменитый в формальной логике *закон противоречия.*

Но откуда взял Аристотель логические законы, открытые им, куда направил он свои поиски? Величие его состоит в том, что он обратил свои взоры прежде всего к познаваемой действительности, к ее законам. Законы логики заключаются, с его точки зрения, только в одном: неукоснительно следовать законам самой действительности. Это другой вопрос, что Аристотель не понимал *движение* как главный закон действительности и что поэтому он не сумел открыть диалектические законы человеческой мысли, — для нас в данном случае важно то направление мыслей, которое привело его к созданию логики как теории познания.

Развитие логики после Аристотеля, несмотря на отдельные исключения, в общем и целом шло в направлении ее дегносеологизации, если можно так выразиться. Логика в общем раз-

вивалась вне теории познания, а теория познания в общем развивалась вне логики. Благодаря такому разделению и логика и теория познания приобретали односторонний характер. Отношение мышления к бытию в процессе познания интересовало философию и было предметом многовекового обсуждения и борьбы преимущественно в вопросе о происхождении наших знаний. Является ли источником наших знаний объективный мир, действующий на наши органы чувств, или же знания нам даны заранее, имеют врожденный характер? В состоянии ли человек познать окружающий мир или же он не может знать то, что лежит за пределами его ощущений? Что дает более истинное знание: чувства или же разум? Как осуществляется переход от образного чувственного знания к логическому мышлению, к понятиям?

Что касается логики, то, если не считать разработку вопросов методологии философами XVII века, Декартом и Бэконом, а также ряд идей Лейбница (здесь в общем и целом не было стремления построить всесторонне разработанную науку по примеру логики Аристотеля), она развивалась как *формальная* наука. Уже вскоре после Аристотеля и затем в особенности в средние века логика стала пониматься как наука исключительно о формах мысли и о возможных комбинациях этих форм. Классический качественно-артибутивный характер аристотелевой логики был отброшен, на первый план выдвинулась *объемная* логика, наиболее удобная для логической комбинаторики. Формализация логики, если понимать под этим стремление исследовать только формы мысли, вне их связи с их объективным содержанием, достигла в XVIII веке своей высшей точки в учении Иммануила Канта.

Маркс и Энгельс подчеркивают, что впервые после Аристотеля только Гегель, хотя и на идеалистической почве, предпринял попытку систематической разработки логики как теории познания. Поставив вопрос о том, что логика должна черпать силу своей доказательности в объективной действительности и неразрывно связывать исследование форм мысли с исследованием форм бытия, Гегель подошел к решению этого вопроса чисто идеалистически. Он отождествил мысль и действительность, внес логику в бытие, и отсюда очень просто вытекала мысль, что изучение объективной действительности и есть изучение логики.

Марксизм на почве материализма развил тезис Гегеля (и классической логики Аристотеля) о том, что логика должна включать онтологию, учение о мире. Для доказательства необходимости связи логики с бытием марксизм не нуждается в антинаучном предположении, что само бытие логично, логизировано, — он исходит из материалистической *теории отражения*. В мышлении и бытии действует не один, а два ряда законов, которые по сути своей едины, а по форме различны. Мышление

не тождественно с бытием, но является отражением последнего. Кроме того, и это в высшей степени важно, так как составляет нерв марксистской философии, — марксизм вносит в логику дополнительное звено — *принцип практики.*

Мысль о практике как посредствующем звене между мышлением и бытием была в виде догадки и у Гегеля; но эта мысль вносит целый переворот в науку логики в связи с марксистской теорией *исторического материализма.* Только теория исторического материализма дала научное объяснение того, как именно следует понимать практику: практика есть материальная, революционно-преобразующая *общественная* деятельность больших масс людей. Общественная практика, как говорит Ленин, имеет не только достоинство непосредственной убедительности, но также достоинство всеобщности: в действиях миллионов всегда действует объективная необходимость и закономерность. Логика, таким образом, должна включить в общую систему своих принципов также и принцип практики.

Только диалектическая философия нового времени впервые после Аристотеля поставила вопрос об отношении между *формами* мышления и *формами* бытия, раскрыла подлинный смысл того, что следует понимать под *содержанием* нашей мысли. По сравнению с метафизическим материализмом в логике диалектического материализма общематериалистическая теория отражения поднята на несравненно более высокую ступень. Под содержанием мышления теперь понимаются не только бесчисленные явления внешнего мира, отражаемые в нашем сознании, но также формы бытия, формы связи между явлениями — категории, законы и т. д.

О переходе от метафизической теории познания с ее преимущественно психологическим характером к теории познания диалектического материализма, включающей также логическую проблематику, Ф. Энгельс писал: «Материализм XVIII века вследствие своего по существу метафизического характера исследовал эту предпосылку (о согласии между мышлением и бытием.—*Л. М.*) только со стороны ее содержания. Он ограничился доказательством того, что содержание всякого мышления и знания должно происходить из чувственного опыта, и восстановил положение: nihil est in intellectu, quod non fuerti in sensu. Только новейшая идеалистическая, но вместе с тем и диалектическая философия — и в особенности Гегель — исследовали эту предпосылку также и со стороны *формы*» [1].

Таким образом, предмет теории познания расширился: если раньше в него входила только проблема происхождения и эволюции познания от низших его форм к высшим, то теперь, кроме того, в теорию познания включена также логика.

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 213. Госполитиздат. 1953. Латинская фраза означает: нет ничего в уме, чего не было бы в чувствах.

Теория познания, поскольку она не включает логику, есть теория познания в узком смысле слова; но она становится теорией познания в широком смысле слова, когда она доведена до конца и включает в свою систему также науку логики.

То, что Ленина не оставляла мысль о разработке теории познания в широком смысле, которая включала бы в себя и логику, видно из составленной им специальной таблицы, в которой он перечисляет науки, на основе которых должна быть разработана теория познания. Ленин имеет в виду как науки, нужные для построения логики, так и науки, которые служат опорой для теории познания в обычном смысле.

Теория познания, как наука о происхождении наших знаний и их эволюции от низших ступеней к высшим, должна использовать данные психологии, физиологии органов чувств, истории умственного развития ребенка и животных и в особенности историю языка. Все эти науки не только вообще подтверждают истинность теории познания диалектического материализма, но должны также помочь в составлении научно обоснованной и детальной картины хода процесса познания.

В другой части таблицы упоминаются те науки, которые имеют существенное значение для разработки логического аспекта теории познания. Сюда относятся: история философии, история отдельных наук, т. е., как говорит Ленин, «история познания вообще», вся область знания.

Ленин исходит из того, что логика, как наука, должна представлять собой квинтэссенцию всей истории науки; он называет гениальной мысль Гегеля, что логика есть «чистое знание во ВСЕМ объеме его **развития**» [1]. Он говорит, что в логике история мысли *должна*, в общем и целом, совпадать с законами мышления.

Итак, логика приобщается к действительности через два канала: первый из них — анализ форм мысли в тесной связи с анализом основных форм и законов бытия; второй — анализ форм и категорий мысли в тесной связи с историей человеческой мысли. Само собой разумеется, что в великой многовековой борьбе научной мысли за овладение тайнами природы мысль *испробовала* бесчисленное множество разнообразных подходов к действительности, оперировала самыми разнообразными логическими формами и категориями. С другой стороны, практика науки с ее успехами и поражениями самым наглядным и бесспорным образом подтвердила действие в человеческой мысли определенных логических законов. В частности, относительно смысла категории *причины* и закона причинности В. И. Ленин писал: «Тысячелетия прошли с тех пор, как зародилась идея «связи всего», «цепи причин». Сравнение того, как в истории человеческой мысли понимались

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 91.

эти причины, дало бы теорию познания бесспорно доказательную»[1].

Он предупреждает, что историю человеческого знания, поскольку она привлекается для разработки научной логики, не следует рассматривать как простую сумму примеров, которые используются от случая к случаю для доказательства той или иной логической проблемы. «...Сравнение не есть доказательство», здесь нужны не «примеры», а квинтэссенция науки, которую можно получить лишь при систематическом рассмотрении ее истории[2]. «История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий логики—voilà ce qu'il faut»[3].

Следует отметить очень важное замечание В. И. Ленина, что *логическое, гносеологическое* исследование истории науки и истории философии должно быть дополнено соответствующим исследованием истории техники[4]. Техника есть та область, в которой наука непосредственно встречается и связывается с практикой, исходит из практики и проверяется практикой.

План Ленина поражает нас величием замысла. Какой благодарной и вдохновляющей задачей является разработка такого громадного научного труда, в котором теория познания в широком смысле была бы представлена в своей *философской* области, но оживленная и обогащенная скрупулезным логическим анализом достижений того созвездия наук, на которое указывает Ленин!

Логика диалектическая и логика формальная; их соотношение в свете рассматриваемой проблемы

Теория диалектической логики явилась прямым результатом материалистического и диалектического взгляда на мир в целом. Мир управляется своими собственными внутренними законами, он не имеет ни начала, ни конца, никаких внешних причин, он, как говорил в свое время Спиноза, есть «причина самого себя». Таковы основные положения *материализма*. Но *диалектический* материализм поднимает это учение о мире на более высокую ступень.

Диалектический материализм целиком принимает материалистический принцип материального единства мира, но дополняет его принципом развития: природа, мир не только существует вечно, но также вечно изменяется и развивается, всегда находится в процессе движения. Отсюда ясно — для познания мира в процессе, в движении, нужна логика более высокого ти-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 346.
[2] См. там же, стр. 148.
[3] Там же, стр. 168. Латинская фраза означает: вот, что нужно.
[4] См. там же, стр. 148.

па, чем та логика, которая достаточна для познания предметов в статике, в неподвижном состоянии. Охотник, умеющий убивать птицу на лету, должен обладать бо́льшим искусством и применять другие приемы, чем охотник, стреляющий по неподвижной мишени. *Диалектическая логика есть наука о том ходе мыслей, который применяется при познании предметов и явлений, находящихся в процессе, в движении, в развитии.* В отличие от этого, *формальная логика есть наука о том ходе мыслей, который применяется при познании вещей в статике, т. е. в определенной точке пространства и в определенную единицу времени.* Если диалектическая логика познает предметы не просто в их готовом виде, но требует исследования того, как они возникают, развиваются, созревают пока не достигнут высшей точки своего развития, то формальная логика интересуется предметами только законченными.

И тот и другой ход мыслей применяется в процессе познания: в обыденной жизни и вообще при познании сравнительно элементарном мы можем рассматривать, и действительно рассматриваем, предметы и явления как законченные, не углубляясь в то, как они возникали и развивались и как они изменяются теперь; но научное мышление не ограничивается познанием готовых фактов, оно стремится познать законы, что обязательно требует знания *истории этих фактов.*

Вполне понятно поэтому заявление Ф. Энгельса, что наука о мышлении складывается из двух частей — формальной логики и диалектики.

Выше говорилось одинаково о *формальной* логике и формалистской логике. Но это было не совсем верно: формальная логика не обязательно бывает формалистской; например, логика Аристотеля была формальной, но не была формалистской. Она была формальной в том смысле, что ориентировалась на познание вещей не в процессе, а в статике; так, Аристотель говорил, что познавать движущиеся предметы так же бессмысленно, как «гоняться за птицами небесными». Но логика Аристотеля не была формалистской, так как была теорией познания: рассматриваемые в ней формы и законы мысли представляют из себя своеобразный слепок с объективных форм и законов. В. И. Ленин писал об этом: «У Аристотеля *везде* объективная логика *смешивается* с субъективной и так притом, что везде *видна* объективная» [1].

В дальнейшем, после смерти своего творца, аристотелевская логика претерпела много изменений, особенно в средние века. Средневековая схоластика приспособила ее к богословию, пыталась ее использовать для «доказательства» существования бога. По выражению Гегеля, аристотелевская логика выглядела в средневековой схоластике, как «ожерелье на шее свиньи». С

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 366.

чисто логической точки зрения наиболее важным извращением теории Аристотеля явилось то, что из этой теории было изъято ее гносеологическое значение и что таким образом она была *формализована*. В дальнейшем под именем аристотелевской формальной логики незаконно начала фигурировать логика *форм*, отбросившая принцип содержательности и познания истины. Появилась *формальная* логика в буквальном смысле этого слова: Кант стал говорить уже не просто о формах мысли, но о «чистых» формах мысли,— он был наиболее крупным теоретиком и философом формалистской логики.

Таким образом, когда говорят о формальной логике, надо различать классическую формальную логику Аристотеля, которая представляет собой теорию познания, и *формалистскую* формальную логику, которая сходна с классической только в смысле неприспособленности к познанию процессов. Совершенно ясно, что Ф. Энгельс, говоря о том, что в учение о мышлении входит, наряду с диалектикой, также формальная логика, имеет в виду формальную логику классического типа.

Классическая формальная логика не противоречит диалектической логике, поскольку она не выходит за пределы своей области и не претендует на то, чтобы быть единственным типом логики.

Главный закон формальной логики называется *законом противоречия*. Правильнее было бы его назвать законом *недопустимости противоречий в мышлении:* кто хочет мыслить логично, не должен сам себе противоречить,— два противоположных суждения не могут быть сразу истинными. Например, не могут быть истинными сразу оба утверждения: *А есть В* и *А не есть Б*, если одно из них истинно, то другое, как противоположное, необходимо ложно. Но совместим ли этот закон недопустимости противоречий *с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей?*

Поскольку диалектическая мысль познает предметы в движении, в процессе, постольку она не может не признать, что движущаяся вещь в одно и то же время и *находится* и *не находится* в одной и той же точке. Скажите о движущейся вещи, что она *здесь,* и это будет значить, что вы ее остановили, прекратили движение. Охотник, стреляющий в летящую птицу, целит туда, где птица *будет,* но не туда, где птица *есть* в момент прицела. Значит, два противоположных утверждения: «в данный момент птица здесь» и «в данный момент птица не здесь»,— оказываются оба истинными.

Как же мы можем говорить о совместимости таких законов, из которых один ни в коем случае не допускает единства противоположностей, а другой, наоборот, требует такого единства?

Чтобы понять, что эти законы все же совместимы, надо иметь в виду *полную* формулировку формально-логического закона противоречия, которая гласит: два противоположных ут-

верждения не могут быть оба истинными, если они относятся к одному и тому же предмету *в одно и то же время и в одном и том же отношении* (смысле). Значит, можно высказывать противоположные утверждения об одном и том же предмете, если: а) речь идет об этом же предмете, но один раз для одного времени, а другой раз для другого; или б) один раз в одном направлении, а другой раз — в другом[1]. Охотник никогда бы не попал в летящую птицу, если бы у него не было расчета, что *по отношению* к его *летящей* пуле *летящая* птица окажется в данное время именно *там и только там,* где птица и пуля встретятся.

У классиков марксизма-ленинизма нет ни малейшего сомнения в огромном значении логической силы и безупречности законов формальной логики, которые действуют всегда, когда обстановка требует от нас определенного ответа на определенные вопросы для *данного* времени и в *данном* отношении. Классики марксизма-ленинизма, будучи великими диалектиками, никогда и нигде не нарушали законов формальной логики, а, наоборот, соблюдали их с величайшей щепетильностью.

Диалектическая логика, будучи логикой *процессов,* никогда не отказывается от того, чтобы фиксировать внимание или на начале, или на конце, или на каких-либо промежуточных стадиях процессов, и тогда она твердо принимает «или—или»: или одно истинно, или другое. Чтобы это понять, достаточно сослаться на известный диалектический закон перехода количественных изменений в качественные посредством *скачка.* Пока процесс протекает, никакое «или — или» невозможно; но вот процесс количественных изменений данного качества достиг кульминационного пункта, происходит скачкообразная замена старого качества новым: тут начинает действовать категорическое «или — или», старое уже больше не господствует, теперь господствует новое (но понимание этого «или — или» в диалектической логике гораздо сложнее, чем в логике формальной. Об этом будет сказано несколько ниже).

Интересно поставить такой вопрос: почему Аристотель, который хорошо видел, что мир изменчив и находится в вечном движении, все же не понял того, что логика своим построением должна соответствовать этому коренному свойству объективного мира? Почему он не пошел на это, хотя гносеологический характер его логики требовал такого соответствия? Конечно, и характер той эпохи был не таков, и уровень науки был не таков, чтобы можно было Аристотелю, при всей его гениальности,

---

[1] Аристотель об этом писал в своем труде «Метафизика»: «Дело в том, что о существующем может итти речь в двух значениях, так что в одном смысле возможно возникновение из несуществующего, а с другой точки зрения — нет, и одно и то же может вместе быть и существующим и несуществующим, но только не в одном и том же отношении» (книга 4, глава 5).

пойти на создание логики диалектической. Но причина не только в этом.

Аристотель, понуждаемый гносеологическим характером своей логики, понимал истину так, что о ней можно и надо сказать *твердое да или нет.* Он был поэтому злейшим врагом софистики. *Но он не мог представить себе такое строение мысли, в котором совмещались бы вместе принцип конкретности с принципом развития.* И вот во имя достижения конкретности он отказал логике в принципе развития. Он отстаивал верную идею конкретности истины, но с ложных позиций. Мы увидим далее, что в наше время мы иногда встречаемся с обратным явлением: когда во имя «развития» отказываются от принципа конкретности, — это распространяемая ревизионистами софистика нашего времени.

Диалектическая логика, вследствие ее гносеологического характера, продолжает логику Аристотеля и считает одним из своих самых коренных принципов положение, что истина *конкретна,* но диалектическое понимание конкретности истины, совмещаемое с принципом развития, гораздо сложнее и богаче, чем у Аристотеля. Рассмотрим это.

Выше говорилось, что формальная логика ограничивается рассмотрением вопроса только в одном данном отношении и только в данную единицу времени и что более сложные ситуации ее не интересуют. Диалектическая же логика, поскольку она рассматривает явление в динамике и в его разносторонних связях, требует того, чтобы мысль охватывала явление сразу во многих отношениях и в разные периоды времени. Это верно, но как тогда быть с принципом конкретности? Не получается ли, что мы лишаемся возможности давать прямые ответы на прямые вопросы, избегаем ответа на вопрос, что же в самом деле представляет собой явление *теперь* и в *данном* определенном отношении, не заменяем ли мы такой прямой ответ уклончивым: «с одной стороны так, но с другой стороны все же не так»?

Жизнь при всей ее сложности и текучести не освобождает нас от необходимости давать прямые и определенные ответы даже в самой сложной и динамичной обстановке. Пожалуй, сложность жизни особенно в том и состоит, что она требует для сложной обстановки простых и определенных решений. Значит, надо как-то сочетать принцип «многих отношений» и «разного времени» с принципом «данного отношения для данного времени». Именно такое сочетание и будет выражать принцип конкретности в диалектическом смысле этого слова.

Расмотрим два классических случая диалектического решения проблемы конкретности: один — у Плеханова, второй — у Ленина.

В своем произведении «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г. В. Плеханов анализирует «корен-

ное противоречие» у французских материалистов XVIII века в их взглядах на движущие силы общественной жизни. С одной стороны, они утверждают, что человеческие мнения определяются средой, в которой живут люди; но, с другой стороны, характер среды зависит от уровня и характера «мнений».

Эти два утверждения, казалось бы, исключают друг друга, так как одно из двух: *либо* среда, *либо* «мнения» играют определяющую роль. Правда, есть средство *обойти* это противоречие и удовлетвориться заявлением, что здесь существует *взаимодействие* между этими двумя сторонами общественной жизни и что поэтому обе точки зрения могут считаться истинными: «с одной стороны» истинно одно, а «с другой стороны»—истинно другое. Но «взаимодействие», понимаемое таким образом, имеет не диалектический, а эклектический характер, не решает, а только запутывает вопрос. Вот что об этом писал Плеханов: *«Взаимодействие бесспорно существует между всеми сторонами общественной жизни.* К сожалению, эта справедливая точка зрения объясняет очень и очень немногое по той простой причине, что она не даст никаких указаний насчет *происхождения взаимодействующих сил....*

Чтобы разделаться с этой путаницей, мы должны найти тот исторический фактор, который произвел и нравы данного народа и его государственное устройство, а тем *создал и самую возможность их взаимодействия.* Если мы найдем такой фактор, мы откроем искомую правильную точку зрения, и тогда мы без всякого труда разрешим смущающее нас противоречие»[1].

Необходимо, говорит далее Плеханов, *возвыситься над точкой зрения взаимодействия,* чтобы понять его. А это значит, что надо найти то определенное единственное отношение, в свете которого делается понятной взаимная связь между всеми другими отношениями. Именно марксизм разрешил эту проблему: экономическая связь между людьми и есть как раз то отношение, в свете которого делаются понятными все остальные отношения в обществе, а также их взаимодействие.

Обратимся теперь к Ленину, к ленинской критике эклектической позиции Бухарина в дискуссии 1921 года о профсоюзах. Позиция Бухарина в определении сущности и задач профсоюзов была примером подмены диалектики эклектикой. Вместо принципиальной критики крайних ложных точек зрения на профсоюзы, он занялся «соединением» этих двух точек зрения. Ленин писал об этих попытках: «И то, и другое», «с одной стороны, с другой стороны» — вот теоретическая позиция Бухарина. Это и есть эклектицизм. Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергива-

---

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. 1, стр. 520—521. Госполитиздат. 1956.

ния кусочка одного, кусочка другого»[1]. «Теоретическая — в данном случае гносеологическая — ошибка Бухарина состоит в подмене диалектики эклектикой»[2].

Диалектика действительно требует всестороннего рассмотрения вопроса сразу в разных отношениях, т. е. сразу и «с одной стороны» и «с другой стороны». Но, как говорилось выше, такая «всесторонность» представляет собой только эклектику, если вся эта всесторонность не базируется на данном одном и точно определенном отношении. Действительно, профсоюзы должны обладать всеми теми, иногда противоречащими друг другу функциями, которые Бухарин хотел механически, т. е. эклектически соединить, но задача состоит в том, чтобы найти такое *конкретное основание,* на котором осуществляется не механическое, а диалектическое соединение разных сторон. Этим основанием является то, что профсоюзы — это *школа коммунизма.*

Ленинская формула заключает в себе гениально простое и ясное решение вопроса о диалектически понимаемой конкретности: «Не «с одной стороны, школа, с другой нечто иное», а *со всех сторон... профсоюзы суть школа,* школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления» [3].

Таким образом, вопрос рассматривается сразу во многих отношениях, но все это множество отношений завязано в узел одного общего для всех них фундаментального отношения («школа коммунизма»). При этом, что очень важно, это конкретное фундаментальное отношение имеет ту особенность, что оно является *отношением развития:* школа означает учение, процесс, развитие, переход на все более высокую ступень.

Эти примеры показывают, как именно надо понимать, что два противоречащих друг другу явления (или соответственно — два противоречащих друг другу суждения) могут составлять единство даже в одном и том же отношении. Весь вопрос в том, чтобы суметь в каждом конкретном случае в самой жизни найти такое отношение.

Таким образом, подлинное решение вопроса о соотношении между формальной логикой и логикой диалектической возможно лишь при гносеологическом понимании логики, которое заключает в себе требование обращаться к жизни, к практике. Именно жизнь в каждом отдельном случае показывает, как совмещается принцип конкретности с принципом противоречия, который имеет место во всяком движении, во всяком развитии.

Этот характер конкретного разрешения противоречий в диалектической логике хорошо описан Энгельсом: *во взаимодей-*

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 69.
[2] Там же, стр. 78.
[3] Там же, стр. 74—75.

ствии «обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мысли, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, когда-либо совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти *развиваются на практике* и, вероятно, нашли свое решение»[1].

Как отмечалось выше, именно гносеологическое понимание логики придает ей строгий и безупречно доказательный характер. Уже Аристотель говорил, и на этом построена вся его логика, что задача познания заключается в открытии не просто истины, но необходимой истины. Можно иметь истинные знания и о случайных, поверхностных фактах; но задача заключается в том, чтобы иметь истинное знание о законах, о необходимости, которую, по образному выражению Аристотеля, нельзя переубедить.

Соответственно надо понимать и логическую необходимость. Под логическими законами Аристотель понимал не просто логические нормы, *дозволяющие* или же *запрещающие* тот или иной ход мысли; по его замыслу, логический закон говорит не «можно» и «нельзя», а требовательно заявляет: *«надо», «необходимо», «только так и не иначе»*. Но силу этого «надо» и «необходимо» логика получает не в своей собственной сфере, а обращаясь за опорой к законам объективного мира. В объективном мире царит необходимость, а так как логика, поскольку она есть теория познания, опирается на объективный мир, то она и получает от него свой необходимый характер и становится, как говорят, «железной логикой».

Это понимание логического закона получило полное и исчерпывающее развитие в марксистской диалектической логике. Логический закон, как он понимается в марксистской диалектической логике, заключается не в простой постановке *рамок* перед человеческим мышлением, но идет гораздо дальше этого, он диктует *определенный путь* для познания. Этот характер диалектического закона получает свое полное выражение в *диалектическом методе*.

Требование логики, чтобы наши суждения и рассуждения были строго обоснованы, выражено в так называемом *законе достаточного основания*. В популярных учебниках формальной логики этот закон просто так и объясняется: все наши суждения должны быть строго обоснованы. Однако вопрос этот не так прост. Чтобы понять его глубокий смысл, что очень важно для гносеологического понимания логики, обратимся к интересным рассуждениям Иосифа Дицгена по этому поводу.

Бесспорно, говорил И. Дицген, все имеет известные причины, и мы это имеем в виду, когда ищем основания для наших

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 236. (Подчеркнуто нами.— *Л. М.*)

рассуждений; но нельзя ограничиваться этим общим заявлением. Дело в том, что реально для любого явления существует не одно, а бесконечное множество оснований: причиной моего существования являются не только мой отец и мать, но и деды и прадеды; и воздух, которым они дышали, и пища, которую они употребляли, и солнце, которое их освещало, и так далее до бесконечности. Ни одно основание не оказывается *достаточным* и всегда требует для себя новых оснований.

В свое время идеалист Лейбниц отмечал тот же недостаток у оснований, понимаемых как такие бесконечные отдельные основания; но рассуждая так, он пришел к выводу, что достаточное основание для всех вещей и явлений в природе надо искать не в самих этих вещах и явлениях, не в самой природе, а вне природы, в боге, который, с его точки зрения, в основаниях не нуждается.

Дицген противопоставил идеалистическому решению вопроса у Лейбница свое материалистическое решение. Считая, что достаточным можно считать только такое основание, которое само не нуждается в основаниях, он приходит к выводу, что таким *достаточным* основанием является *закономерность природы.* Отсюда следует вывод, что закон достаточного основания не имеет логической силы, если рассматривать его лишь в сфере мысли; он имеет силу лишь постольку, поскольку опирается на признание объективной универсальной закономерности, существование которой не нуждается в дальнейших доказательствах.

И. Дицген видит в таком понимании закона достаточного основания великую заслугу философии и логики диалектического материализма: «Понимание того, что все основания покоятся на не имеющей основания сущности, есть наивысшая диалектическая истина, впервые проливающая настоящий свет на закон достаточного основания»[1].

Итак, сам закон достаточного основания может быть понят только в свете гносеологического понимания логики, ищущей опоры для логики в онтологии.

Если логика хочет быть *наукой*, а не простым описанием разных логических форм, она должна быть наукой о логических законах. Но она может стать наукой о логических законах только выступая как теория познания объективных законов, если она опирается на действительность.

Это требование есть основа основ *материалистической* логики. Только закоренелые формалисты могут думать, что логика стоит вне борьбы между материализмом и идеализмом, что для выработки того или иного мировоззрения не имеет значения принятие той или иной структуры мысли. Логика форм, конечно, имеет значение,— логические формы надо изучать, но когда это изучение форм мысли, как таковых, превращают в

[1] Иосиф Дицген. Избранные философские сочинения, стр. 194.

самоцель, тогда исследование форм мысли становится *формализмом*. А формализм — враг материализма, за формализмом скрывается идеализм.

Итак, логика как теория познания, будь это классическая формальная логика или же логика диалектического материализма, ставит в центр своих построений вопрос об истине. Мы видели, что это должна быть истина *конкретная* и *необходимая*. Но так же, как конкретность классической логики приобретает в логике диалектической более глубокое содержание, так как связывается с принципом развития, так и *необходимость* по этой же причине получает в диалектической логике более глубокий смысл.

Формальная логика заявляет, что истина есть соответствие наших понятий объекту. Это верно. Но как быть с этим, если объект изменчив, находится в процессе? Тогда и истина становится процессом, чем-то движущимся и развивающимся.

«Истина есть процесс»,— говорит Гегель. В. И. Ленин согласен с этим: «Совпадение мысли с объектом есть **процесс**: Мысль (-человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя... без стремления, без движения...» [1].

В соответствии с этим диалектическая логика в качестве теории познания становится *логикой нового типа:* она продолжает стоять на позициях материалистической теории отражения, но так как отражение вслед за своим оригиналом динамично, подвижно, то логика становится наукой о *движении,* о *пути,* о *переходах,* совершаемых нашей мыслью в процессе познания. Если формальная логика понимает *вывод* в том простом смысле, что в умозаключении заключительное суждение выводится из посылок, то в логике диалектической, наряду с этим, вывод понимается как выведение все более и более глубокой и содержательной истины; как процесс, в котором истина постепенно *складывается,* оформляется, конкретизируется, переходит последовательно от внешне истинного знания до подлинной, т. е. вполне необходимой, неопровержимой истины.

Чтобы более наглядно представить себе значение и смысл этого важного вопроса об «истине-процессе», сошлемся на ту, очень интересную также и с логической точки зрения, критику, которой подверг тогда еще молодой Маркс прусскую цензурную инструкцию. В инструкции говорится, что цензура не должна препятствовать «серьезному и скромному исследованию истины». Эта фраза и выраженная в ней мысль вызывает возражение Маркса.

Прежде всего Маркс возражает против выражения: «серьезная и скромная истина»; такая характеристика истины не имеет никакого значения для самой истины. Самая большая скромность при исследовании состоит в том, чтобы относиться к познаваемой вещи так, «как того требует *сущность самой ве-*

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 186.

щи», и ничего ей не приписывать от себя. Но для рассматриваемого здесь вопроса об «истине-процессе» особенно важно следующее положение Маркса: от исследования нельзя требовать «серьезности» или «скромности»,— надо, чтобы исследование было *истинным,* т. е. чтобы оно шло *по истинному пути.* Истина должна получиться не только в конце исследования, но истинным должен быть и *путь,* ведущий к полному постижению истины.

Требование, чтобы сам путь, ведущий к истине, был истинным, сформулировано Марксом в следующих словах: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинным, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге».

Негноссологическая формальная логика не только не доходит до такого глубокого и сложного понимания истины, но, как говорилось, она вообще не ставит вопроса об истине. Главным интересом такой формальной логики является проблема *правильного* мышления. Для нее не представляет значения, истинны ли посылки и заключения или же они ложны,— важно только то, чтобы умозаключение было правильно построено. Важно соблюдение *формы.* Автор дореволюционного учебника логики Г. Челпанов считает вполне нормальным, например, такое умозаключение:

Все львы суть млекопитающие;
Все коровы суть львы;

Следовательно, все коровы суть млекопитающие.

В этом примере истинное заключение получается из ложных посылок. Челпанов хочет таким образом доказать, что была бы правильна сама форма умозаключения, логику больше ничего не интересует. Формальная логика, понимаемая в этом смысле, легко становится оправданием всякой софистики, беспринципности — *истина* ее совершенно не интересует.

Диалектическая логика не снимает вопроса о правильности, *о соблюдении формы,* но правильность и форму она понимает гораздо глубже: правильная форма в ходе исследования выражается в такой последовательности переходов со ступени на ступень, которой обеспечивается все большее углубление истины, постигаемой на каждой из этих ступеней.

Этот вопрос получает более полное освещение при рассмотрении диалектического метода.

Диалектика как теория познания диалектического материализма. Диалектический метод

Итак, мысль В. И. Ленина о том, что логика есть теория познания, ясна: она означает материалистическое понимание логики, требует от мыслей тесной связи с жизнью, с практикой.

Теперь понятно, почему В. И. Ленин отмечал, что это *очень важный* вопрос: мысль должна быть пронизана революционностью, она враг застоя и консерватизма в чем бы то ни было — этого требует весь дух диалектической логики.

Как теперь понять вторую половину ленинского тезиса о единстве диалектики, логики и теории познания, в каком смысле Ленин говорит о том, что *«диалектика* есть теория познания», и почему он считает, что это «суть дела»?

В конспекте, который Ленин составлял для себя, а не для читателей, он мог не стремиться к полной точности выражения, мысль могла быть выражена кратко,— поэтому можно считать, что идея «диалектика есть теория познания» более точно выражена в статье «Карл Маркс», написанной для энциклопедического словаря. А в этой статье, как мы видели, говорится, что диалектика *включает* в себя теорию познания.

Диалектика есть учение о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого мышления; иначе говоря, она имеет две стороны — объективную и субъективную, подразделяется на диалектику мышления и диалектику внешнего мира. Но диалектика мышления есть не что иное, как диалектика познания, как часть и определенная сторона диалектики вообще.

Однако подчеркивание Лениным того, что диалектика есть теория познания, имеет не только это значение. Глубочайший смысл этой идеи следует искать в том же круге идей, в каком Ленин пришел к выводу о гносеологической природе логики,— в связи мышления с миром, с жизнью, практикой.

Вернемся сначала к вопросу об «истине-процессе», к некоторой новой стороне этого вопроса. Говоря об «истине-процессе», Гегель имел в виду, что истина есть не только *цель* познания, но и *предмет* познания. Что истина есть *цель* познания — это не вызывает никаких сомнений: конечно, в процессе познания мы добиваемся истины, хотим постичь истину, это — наша *цель. Предметом* же познания являются предметы и явления внешнего мира.

Но сказать, что истина существует объективно, в самом объективном мире, что мы *ее* познаем, что она есть *предмет* познания,— равносильно признанию того, что в самом объективном мире существует логика, мысль. А такое признание есть идеализм. И действительно, высказав эту мысль, Гегель рассуждал как идеалист. Однако здесь, как и во многих других случаях, оказывается, что за идеалистической формой скрывается важная диалектическая мысль. Все, что возникает, не появляется сразу в готовом и зрелом виде и в этом смысле «не соответствует своему понятию».

К. Маркс в «Капитале» показывает, как капиталистический способ производства сначала возникает только «формально», как потом происходит «реальное подчинение» труда капиталу,

как, наконец, капитал, по выражению Маркса, становится «на свои собственные ноги». Если отбросить идеалистический смысл, вкладываемый Гегелем в положение, что все стремится к своей «истине», к своему «понятию», то значит, что все существующее постепенно *созревает* и, стало быть, задача познания заключается в том, чтобы охватить и мысленно воспроизвести этот процесс созревания исследуемого предмета. Предметом познания является не просто данный предмет, но и то, как он созревает, как он становится *настоящим, «истинным»*. Задача состоит в том, чтобы понять развитие предмета от его простейших и абстрактных форм до его полного, сложного и конкретного раскрытия.

В полном соответствии с марксистской диалектической логикой и с марксизмом-ленинизмом в целом политика нашей партии после завоевания власти рабочим классом исходила из того, что и коммунизм, как всякий новый общественный строй, созревает постепенно: сначала переходный период, затем социализм как первая фаза коммунизма и наконец коммунизм полный, завершенный. Великое значение XXI съезда КПСС в истории нашей страны и человечества в целом заключается в том, что он возвестил переход СССР в период развернутого строительства коммунистического общества.

Основой диалектической логики является *диалектический метод.*

Методологическая проблема возникала и раньше перед разными философами, особенно в новое время. Декарт и Бэкон, например, специально занимались вопросом о методе и посвящали ему некоторые свои произведения. Но они оставались на почве формальной логики, и поэтому сводили методологическую проблему к вопросу: с чего начинать исследование, с общего положения или же с частных фактов? В первом случае наиболее логичным и продуктивным считался дедуктивный метод, во втором — индуктивный.

В диалектической логике методологический вопрос о начале и направлении исследования принимает гораздо более сложный и глубокий характер: индукция не отрывается от дедукции, но находится с ней в диалектическом единстве [1]; выведение, т. е. получение вывода из посылок, рассматривается как *развитие* мысли. Перед диалектическим методом не стоит «проклятый вопрос» формальной логики, действительно ли вывод представляет собой новое знание, которое заранее не содержалось бы в посылках?

---

[1] Ф. Энгельс писал, что противоположность между индукцией и дедукцией «выдумана» в чисто математических науках и что «старая и новая логика не знает об этом ничего» (под старой логикой Энгельс, видимо, понимает классическую логику Аристотеля). См. «Диалектика природы», стр. 180.

Диалектический метод познания заключается в том, чтобы выразить мысленно те ступени, через которые проходит развитие предмета. В. И. Ленин считал хорошим пояснением диалектики следующее определение диалектического метода: «...метод есть сознание формы внутреннего самодвижения ее содержания»[1].

При таком понимании метода получается впечатление, что в нем нет ничего собственно логического, раз речь идет только о том, что мысль должна следовать за развитием своего предмета. Выходит как будто, что исчезает понятие о *логической последовательности* и что вместо нее говорят только об объективной последовательности в развитии самого предмета.

На самом же деле именно диалектическая логика есть логика в самом настоящем смысле слова, учение о *логической* последовательности и *логической* строгости в наших рассуждениях. Включение в логику онтологии не означает отказа от самой логики. Дело только в том, чтобы правильно понять *смысл единства* логики с онтологией в диалектическом методе. Обратимся с этой целью к рассуждениям Ф. Энгельса о диалектическом методе как единстве логического метода с историческим методом исследования.

О том методе, который был применен Марксом в «Капитале», Энгельс говорит, что это не мог быть исторический метод в его обычно поверхностном понимании. Задача научной политической экономии не может заключаться в простом *описании истории* капиталистического способа производства. История эта, как и вообще всякая история, не имеет прямой дороги, она движется зигзагообразно — в ней есть закономерность, но нет и не может быть логики, поскольку она имеет стихийный характер. Поэтому, продолжает Энгельс, «единственно уместным был логический способ рассмотрения. Но в сущности этот способ был не чем иным, как тем же историческим способом, только освобожденным от его исторической формы и от нарушающих его случайностей. С чего начинает история, с того же должен начаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме: отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент можно рассматривать в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости и классической формы» [2].

Рассмотрим это. Что представляет собой логический способ (метод)? Что у него общего с историческим способом и чем он отличается от последнего? Общее у них заключается в том, что

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 84.

[2] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 236.

ход мыслей начинается с того же, с чего начинает история, и затем вся мысленная картина изучаемого предмета развертывается в *общем и целом* в соответствии с объективной исторической последовательностью в развитии предмета. Но чем отличается логический способ от исторического способа?

В логическом ходе мысли нет и не должно быть «зигзагов», которыми характеризуется действительная история. Ход истории отражается в мысли, но «в *теоретически последовательной* форме». Теоретическая последовательность — это и есть последовательность логическая,—последовательность мысли есть отражение исторической последовательности, но *исправленное* отражение.

Таким образом, задача состоит в том, чтобы узнать, в чем именно заключается «исправление», так как логическая работа мысли как раз и заключается в этом процессе «исправления» отражения исторического процесса. Энгельс дает ответ и на этот вопрос. *Исправлять* отражение исторического процесса в мысли, *преобразовать* картину хода истории в логический ход мысли — это значит отразить *законы* истории в ходе их осуществления. При этом, что особенно важно, логическая обработка законов действительной истории заключается в том, что они рассматриваются, когда явления, где они действуют, достигают полной зрелости.

В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» Маркс специально останавливается на характеристике диалектического метода, примененного им в своем исследовании, ссылаясь на рецензию, помещенную в петербургском журнале «Вестник Европы». В рецензии этой говорилось: «Для Маркса важно только одно: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И при этом для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменяемости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому» [1].

Далее рецензент отмечает, что в задачу Маркса входит изучение *ступеней развития* и точное исследование того *порядка последовательности и связи*, в которых проявляются эти ступени развития, т. е. «изображение действительного движения», но без свойственных ему «зигзагов».

Чтобы в наиболее сжатом виде выразить идею единства исторического и логического способов исследования в составе диалектического метода, сошлемся на формулу Маркса: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны».

На первый взгляд, такое утверждение звучит очень странно: *исторически* обезьяна предшествует человеку, и вполне естест-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 17. Госполитиздат, 1953.

венно поэтому предпослать изучение анатомии обезьяны изучению анатомии человека, — естествознание так и поступает; да и в любой другой области такой исторический подход необходим. Маркс этого и не отрицает, — он только предлагает исторический подход *дополнить* логическим подходом. В самом деле, анатомию обезьяны можно лучше всего понять, если иметь в виду не просто то, что она представляет собой сейчас, но и заключенные в ней возможности развития; но это достигается, если посмотреть на нее в свете анатомии человека, в которой *реализовались* эти возможности.

Итак, чтобы понять высшее, надо изучить историю его возникновения из низшего (непосредственно исторический способ), но чтобы надлежащим образом понять это низшее, надо его рассмотреть в свете высшего (непосредственно логический способ). Теперь мы вновь возвращаемся к истории, но уже в «исправленном» виде, в «теоретически последовательной» форме, — это единство исторического и логического способов и составляет сущность диалектического метода.

Как мы знаем, В. И. Ленин, сформулировав идею единства логики, диалектики и теории познания, отметил вместе с тем, что «Капитал» К. Маркса представляет собой образец применения этой идеи в научном исследовании. «Капитал» — грандиозное теоретическое сооружение — поражал и поражает своей строгой логичностью и наряду с этим — глубокой связью между его логикой и самыми животрепещущими и острыми проблемами общественной жизни. И связь эта заключается не просто в том, что логически разработанная теория затем применяется в жизни, — она имеет органический характер: в каждом шаге самого исследования чувствуются шаги жизни.

История политической экономии знает немало примеров того, как критики «Капитала», вынужденные отдать дань его строгой логичности, пытались подорвать его значение тем, что он якобы абстрактен, оторван от действительности, что исходные положения его имеют только гипотетический характер.

Один из таких критиков признавал, например, силу выводов «Капитала», однако лишь при том условии, если допустить, что исходные положения истинны; но критик как раз и не признает этих исходных положений Маркса, его теории стоимости, и утверждает, что они не доказаны. Маркс отвечал на это:

«Несчастный не видит, что если бы в моей книге вовсе не было главы о «стоимости», то анализ реальных отношений, который я даю, содержал бы в себе данные и доказательства действительных отношений стоимости. Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода» [1].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 208, Госполитиздат., 1947.

Существование и значение стоимости, продолжает Маркс, не нуждается в специальном доказательстве по двум причинам: во-первых, потому что сама жизнь свидетельствует о невозможности обществу существовать без труда и без разделения труда (а стоимость — это овеществленный в товаре труд), — это капитальнейший факт всякого общества, в том числе и капиталистического; во-вторых, даже если специально не останавливаться в начале исследования на понятии стоимости, то ее доказательство фактически дано дальнейшим анализом реальных сложных отношений капиталистического общества.

Вопрос об *исходном понятии* в той или иной теории относится к числу наиболее коренных в истории логики: на чем, на каком основании строится данная теория? Достаточно ли убедительно это основание? Ведь если весь ход рассуждений в данной теории строго логичен, но основание не имеет такого строгого характера, то все здание окажется построенным на песке. Отсюда—обсуждение вопроса о роли *аксиомы, гипотезы.* Но с точки зрения диалектической логики основание теории не может и не должно быть ни аксиомой, ни гипотезой, а только *реальным фактом.*

Теперь тезис «диалектика есть теория познания» предстает перед нами во всем великом его значении. Мы уже знаем не только то, что действительность и ее история должны быть включены в логику, но и то, *как* происходит это включение. Включение онтологии в логику не есть отказ от проблемы *логической последовательности и логического закона;* напротив, включая действительность, жизнь в логику, марксизм-ленинизм создал логику высшего типа, а именно такую логику, которая служит мощным орудием научного познания и революционной практической деятельности.

Всей историей творчески преобразующей деятельности Коммунистической партии Советского Союза, коммунистических и рабочих партий всего мира, возглавляющих историческое движение миллионных масс к социализму и коммунизму, всей историей и также новейшей историей естествознания и техники, подтверждается истина и великая познавательная сила диалектики и логики, являющихся теорией познания материализма.

Философская борьба на почве логики. Логика и ревизионизм

Философия, как это было всегда, представляет собой передовую линию идеологической борьбы, но, как это также всегда бывает, на каждом новом этапе идеологическая борьба в области философии приобретает некоторые особенности. Особенность эта в настоящее время заключается в том, что философская борьба в гносеологии в значительной мере сконцентрировалась на поле логики, вокруг вопроса о логической структуре мысли.

Научная мысль нашей эпохи характеризуется великой победой материалистической и диалектической мысли. 50 лет назад В. И. Ленин в своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» возвестил, что новейшие открытия в естествознании, в физике представляют собой триумф диалектического материализма. Он писал: «Современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм!» Дальнейшее развитие физики и математики, появление некоторых новых наук, например кибернетики, представляет собой расширение и углубление революции в естествознании, начавшейся в первые годы XX века,— буквально с каждым днем появляются все новые и новые факты диалектического объяснения физических явлений. Это сопровождается теперь грандиозной *технической* революцией, особенно в связи с наступлением атомной эры.

Но тот факт, что всюду в науке и технике царит теперь дух диалектики, новаторства, объясняется в очень большой степени не только собственными успехами этих наук, но и всем духом общественной жизни революционной эпохи, начало которой было положено Великой Октябрьской социалистической революцией. Все бурлит, все находится в непрерывном движении; революционные скачки, более или менее крупные,— вот чем характеризуется наше время. И все это не может не вести к победе материалистического и диалектического образа мысли, к победе философии диалектического материализма.

Однако победа не дается без борьбы. С укреплением лагеря социализма и социалистической идеологии, с проникновением диалектической логики в сознание все большего и большего числа ученых и больших человеческих масс вообще, растут также усилия врагов помешать этому процессу. Революция в физике еще в самом ее начале, на заре XX века, сопровождалась кризисом. В. И. Ленин отмечал тогда, что вместе с жизнеспособным существом, материалистической диалектикой, революция в физике породила побочные продукты, подлежащие отправке в помещение для нечистот: разные оттенки реакционного идеализма.

В. И. Ленин подчеркивал прямую связь между характером идеализма того времени и процессами, происходившими в физике; за игнорирование этой связи В. И. Ленин резко критиковал Г. В. Плеханова. От зоркого глаза Ленина не ускользнуло то обстоятельство, что в связи с революцией в физике буржуазные реакционеры стали применять новую стратегию в борьбе против материализма.

Успехи естествознания создали такое положение, когда невозможно стало защищать метафизические «вечные истины» против диалектического принципа относительности наших знаний, — это с одной стороны; с другой стороны — невозможно стало открыто проповедовать философию субъективного идеа-

лизма. Возникла необходимость в философской маскировке: надо было создать видимость согласия с диалектикой, но с тем, чтобы довести ее до абсурда, до превращения ее в субъективно-идеалистический релятивизм; надо было создать видимость согласия с материализмом, но с тем, чтобы на ходу подменить материализм позитивизмом.

Диалектика утверждает, что наши знания относительны, так как содержат не всю истину, а отдельные ее стороны, что знания наши бесконечно приближаются к абсолютной истине; релятивисты же доходят до абсурда, утверждая, что в наших знаниях вообще нет и не может быть объективной истины и что они имеют лишь *условный* характер. Материализм утверждает, что многообразным миром явлений управляют общие и внутренние законы; позитивисты говорят, что они больше «реалисты»,чем материалисты, так как хотят иметь дело только с «позитивными», т. е. с положительными фактами внешних явлений, но не с законами, которые непосредственно не воспринимаются.

Маневр буржуазной философии, если выразить его в общих чертах, состоит в том, чтобы исключить из философии, из теории познания объект, онтологию, оставить в ней один только субъект. Борьба против материализма ведется во имя бо́льшей «гибкости» мысли: существо диалектики извращается, и эта извращенная диалектика используется как аргумент против материализма.

Имея в виду этот новый маневр буржуазной философии, В. И. Ленин говорит, что в связи с новой обстановкой философской борьбы наступает *новый период* как в истории буржуазной философии, так и в борьбе марксизма против идеализма. Маркс и Энгельс выступили на поприще философии в то время, когда в рабочей среде, среди интеллигенции были сильны материалистические взгляды, но не было надлежащего понимания диалектики. Поэтому Маркс и Энгельс больше всего заботились о том, чтобы поднять материализм до уровня *диалектического* материализма. Теперь же, продолжает Ленин, мы переживаем «совершенно отличный от этого исторический период, подошли в такое время, когда буржуазная философия особенно специализировалась на гносеологии и, усваивая в односторонней и искаженной форме некоторые составные части диалектики (например, релятивизм), преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма вверху»[1].

Отсюда Ленин делает вывод, что задача теперь заключается в том, чтобы дать отпор буржуазной философии в ее стремлении выбить из диалектической теории познания ее материалистический фундамент, отстоять *истинную* диалектику, т. е.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 315—316.

диалектику материализма. Борьба переносится в область общей теории познания, гносеологии: входит ли объект познания, онтология, в состав теории познания, или возможна такая теория познания, для которой объект и объективная истина не представляют никакого интереса?

Со времени выхода в свет «Материализма и эмпириокритицизма» прошло 50 лет, но стратегия буржуазной философии осталась прежней: релятивизм вместо диалектики и позитивизм вместо материализма; однако *тактика* ее претерпела некоторые изменения.

Буржуазные философы более широко, чем прежде, стремятся использовать вопросы логической теории для борьбы с диалектическим материализмом.

Для усиления философской борьбы на поле логики имеются два основания. Во-первых, дальнейшие успехи физики и математики особенно остро поставили вопрос о диалектике, о *единстве противоположностей,* — оказалось, что два противоречащие друг другу суждения в известном аспекте могут быть оба истинными и что, стало быть, старый формально-логический закон противоречия не всегда пригоден. Во-вторых, область логики оказалась довольно удобной основой для пропаганды «беспартийной» философии, якобы стоящей между материализмом и идеализмом; формализованная логика представляет вполне подходящую базу для обсуждения проблем мышления в отрыве от проблем бытия — *это логика позитивизма.*

Позитивизм по его логической структуре довольно удобен для *формализации диалектики.* Диалектика настаивает на всеобщей превращаемости — этот принцип принимает и логика позитивизма, но с поправкой. Поправка эта состоит в том, что позитивизм настаивает на возможности превращения *всего во все,* в то время как диалектический материализм всегда имеет в виду *конкретное, данное* превращение при данных определенных условиях. Позитивистская превращаемость предполагает устранение качественных граней между предметами и явлениями и понимается поэтому чисто *формально, алгебраически.*

Именно подобную «диалектику» имел в виду В. И. Ленин, когда писал: «Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии» [1].

В связи с громадными успехами математики потребовалось заняться разработкой специально тех категорий и форм мысли, которые больше всего имеют применение в математике (категории количества и отношения). На этой почве возникли и ус-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 295.

пешно развиваются «математико-символическая логика» и «логика отношений». С той стороны, с какой эти логические теории являются разработкой *одной части,* определенной *стороны* логической науки, они имеют несомненный научный и практический интерес. Но дело обернулось так, что некоторые логические школы претендуют на то, чтобы *часть превратить в целое*, и склонны считать, что эти логические учения являются логикой новейшей науки вообще. С такой точки зрения следует теперь говорить не о диалектической логике, а о *новой,* более «гибкой» формальной логике.

Между тем говорить о «диалектической формальной логике» — значит говорить бессмыслицу вроде той, что есть горячий лед. Всякая попытка построить такую *формальную* логику, в которой бы не действовал логический «закон противоречия», ведет только к формализму и субъективному идеализму. Еще в «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин выступил против такой тенденции в заявлении физика Дюгема, который говорил, что закон физики «не истинен и не ложен, а... приблизителен».

«В этом «а»,— писал Ленин,— есть уже начало фальши, начало стирания грани между теорией науки, приблизительно *отражающей объект,* т. е. приближающейся к объективной истине, и теорией произвольной, фантастической, чисто условной, например, теорией религии или теорией шахматной игры» [1].

Ленин, конечно, согласен с тем, что в законах науки объективные законы отражены не исчерпывающе, не полностью и что в этом смысле они *приблизительны.* Но приблизительность означает, что эти приблизительные знания все же истинны; нельзя противопоставлять приблизительность и истинность. На этом противопоставлении как раз и строится в общем и целом новейший позитивизм в области логики. Новейшие логические учения не исключают вообще рассмотрения закона; но они больше всего приспособлены для выражения *статистической, вероятностной* закономерности. Глубоко ошибочно расширять ее значение за ее собственные пределы. Одно сравнение это поясним: допустим, что счетная машина, построенная на принципах математической логики, «подсчитает» все колебания цен в капиталистическом обществе в большой период времени и приблизится, таким образом, к закону стоимости, отразит этот закон в его внешнем проявлении; но счетная машина никогда не будет в состоянии открыть закон стоимости; для этого нужна диалектическая логика.

Вопрос о *типе логики* играет громадную роль. Больше чем когда-либо раньше, существеннейшим вопросом жизни становится достижение подлинной связи между теорией и практикой. Великие теоретические истины марксизма-ленинизма получают

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 297.

видимое и ощутимое всеми осуществление в жизни миллионных масс; в области теоретического естествознания наблюдается такое же явление,— не успеет научная идея выйти из лаборатории ученых, и она уже получает практическое осуществление в технике. И обратно: больше, чем когда-либо раньше, практика, жизнь, включается в ход развития теоретической мысли, ставит перед ней задачи, проверяет ее истинность с небывалой быстротой и точностью. Все это — продукт и знамение революционной эпохи. Дух этой эпохи нашел теперь самое концентрированное выражение в великих решениях XXI съезда КПСС, возвестившего вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунизма. Вполне понятно, что такая эпоха, ее диалектический дух, настоятельно требует соответствующей логической теории.

Такая логическая теория есть. Это — теория диалектической логики, которая вследствие ее гносеологического характера диктует теоретической мысли необходимость постоянного контакта с революционной практикой, постоянного углубления истинного познания на почве практической борьбы за подлинно новое и передовое в науке и в жизни. Эта логика требует сочетания *ортодоксии* и *новаторства* — неуклонного движения мысли вперед, но на серьезном и основательном фундаменте уже завоеванных истин. Она — враг застоя, но она также враг ревизии, пересмотра бессмертных истин, миллионы раз подтвержденных на практике.

Есть глубокое различие между подлинной революционностью в науке и в жизни, основательной, серьезной, имеющей глубокие корни, и той ложной и показной «революционностью», которая в политике выражает дух анархии, а в науке — дух субъективного идеализма. Диалектическая логика есть революционная логика в первом смысле — она действительно есть боевое духовное оружие революции во всех областях — в общественной жизни, науке, технике, в искусстве.

Прямым и непосредственным врагом диалектической логики и всего диалектически-революционного духа эпохи является *идеализм в обличье формализма,* в форме *позитивизма,* маскирующийся под диалектику, проповедующий логику позитивизма.

Позитивизм есть та почва, на которой встречаются и смыкаются буржуазная критика марксистской диалектической логики с философским ревизионизмом. Философские ревизионисты не ограничиваются отрицанием марксистского материалистического мировоззрения, прикрываемым рассуждениями о вреде и метафизичности всякого мировоззрения вообще; они выступают также против диалектической логики, которая якобы не является логикой.

Ревизионисты отвергают диалектическую логику марксизма как якобы не имеющую своего предмета. Для определенных

разновидностей ревизионизма характерны рассуждения о логике «вообще», причем под логикой всегда имеется в виду одна из многочисленных разновидностей формальной логики (индуктивная, кантианская, трансцендентальная, интуитивная, логика отношений и т. п.).

Характерно, что как раз положение о единстве логики, диалектики и теории познания сплошь и рядом используется для отрицания диалектической логики как логики. Говорят так: поскольку диалектическая логика есть теория познания и вследствие этого включает в свой предмет онтологию, действительность, постольку из нее исключается собственно логическая проблематика, в частности теория вывода, умозаключения и другие специально логические проблемы. Собственно логикой с этой точки зрения является только формальная логика. Это чудовищное извращение гениальной мысли Ленина. Разве оттого, что Земля обращается вокруг Солнца, у нее исчезает движение вокруг ее собственной оси? Истина заключается только в том, если продолжить рассмотрение нашей аналогии, что и собственное движение Земли вокруг ее оси не может быть понято вне учета её обращения вокруг Солнца.

Диалектическая логика есть логика и, как мы пытались доказать, наиболее сильная, т. е. наиболее доказательная логика, так как она не просто нормативна, но указывает на источники логической необходимости. Она состоит из определенных *законов* научной мысли, исследует ее многообразные *формы:* категории, понятия, суждения, умозаключения; она представляет собой учение *о выводе* как в смысле доказательства, так и в смысле открытия новых истин. Но всем этим она занимается гносеологически, т. е. все время имея в виду объективную действительность *и ее законы.*

Существует еще одна форма игнорирования диалектической логики как теории познания. Говорят о том, что логика теперь перестала быть философской наукой, что она *выделилась* из философии, из теории познания, отпочковалась от нее, как это происходило раньше и с другими науками. Логика, говорят, стала такой же *специальной* наукой, как специальные науки: естественные, технические, гуманитарные. Отсюда затем делают такой вывод: физики могут делать научные открытия, даже великие, находясь в своей специальной области, несмотря на то, что они придерживаются идеалистических взглядов в области философии, теории познания; то же самое может иметь место и в области логики как специальной науки.

Но этот аргумент ни с какой точки зрения не является верным. Во-первых, если физики и другие ученые и делают великие открытия при ложной философской позиции, то сколько при этом им приходится блуждать, пока они придут к истине! И насколько был бы короче путь к истине, если бы ученые придерживались верной философской теории! Во-вторых, неверно

само по себе *приравнение* логики к специальным наукам: она была и навсегда остается *философской* наукой, так как ее предметом является определенная сторона основного вопроса философии об отношении мышления к бытию.

Верно, конечно, что современная формальная логика разработала специальный логический аппарат, который в общем может быть назван *прикладной логикой,* но подмена теоретической логики с ее коренными философскими, гносеологическими проблемами логикой прикладной есть грубейшая ошибка.

Всему миру теперь известно, какое неоценимо громадное значение имеет *математическая логика* с ее техническими приложениями: счетные машины, автоматика, спутники и т. п., но нельзя, исходя из этого, согласиться с тем, что логика математики теперь должна привести к пересмотру *основ* логики вообще.

Если признать вместе со сторонниками таких взглядов, что логика не есть теория познания, не есть философская, а только специальная наука, тогда, естественно, надо согласиться и с игнорированием диалектической логики как логики, так как она есть наука гносеологическая и в высшей степени философская. Удивительно, что люди, считающие себя марксистами, сопоставляют новейшую формальную логику с прежними формально-логическими учениями. Они доказывают ее превосходство, но при этом даже не вспоминают о диалектической логике, как будто ее никогда не существовало: ни Гегеля, ни Маркса с его «Капиталом» и другими гениальными исследованиями, ни Ленина с его постоянной и настойчивой пропагандой диалектической логики как логики высшего типа!

Ревизионисты всячески эксплуатируют подобные ложные взгляды на диалектическую логику с целью обоснования отрыва философии от жизни и от коммунистической политики, этого концентрированного выражения всего самого передового, что существует в современной действительности.

Например, польский ревизионист Колаковский считает, что существуют две отдельные области марксизма: одна — связанная с практической, политической деятельностью коммунистических партий, и другая — исключительно теоретическая, «интеллектуальная»,— каждая из этих сторон существует сама по себе и не должна мешать другой. А раз теория оторвана от практики, политики, то нельзя требовать от нее партийности, строгого следования принципам. Затем этот оппортунистический взгляд распространяется и на другие формы общественного сознания.

Югославские ревизионисты также обнаруживают поразительное невежество в понимании требования марксистско-ленинской логики относительно связи теории и практики. С одной стороны, они обрушиваются на марксистско-ленинский принцип практики, как критерий истины, и называют такой взгляд праг-

матизмом. Прагматизм — буржуазное философское учение, принижающее роль теории: лишь ту теорию это учение считает истинной, которая служит узким интересам личности или группы людей; если она, эта теория, перестала служить этим интересам, ее надо отбросить. Объективной истины прагматизм не признает. Понятно, что такой взгляд не имеет ничего общего с подлинно марксистским пониманием практики и связи теории с практикой.

Ревизионисты отвергают критерий практики, так как практика, жизнь, насыщена классовой борьбой между двумя лагерями — капитализмом и социализмом, так как практика, жизнь, требует от людей, называющих себя коммунистами, ясного и определенного ответа на то, на какой стороне они стоят, — ревизионистам же хочется стоять «над» партиями, над или между борющимися лагерями, но по существу примыкая к лагерю реакции. Пропаганда аполитичности, «беспартийности» есть яркое выражение формалистско-позитивистского хода мыслей, за которым стоит в конечном счете философский идеализм.

Но, с другой стороны, ревизионисты превозносят значение практики, извращенно ими понимаемой. Марксизм, говорят они, требует обогащения теории уроками практики, но делают отсюда абсурдный вывод об устарелости самых коренных и жизненных теоретических положений марксизма-ленинизма. Непоследовательность, путаница, эклектика, софистика — такова единственно возможная «логика» людей, желающих взять от диалектической логики ее форму, но отбросить ее принцип содержательности и связи с революционной практикой, не желающих понять, что не может быть и диалектической формы, если из нее выхолощено ее жизненное содержание.

* * *

Ленинское учение о единстве диалектики, логики и теории познания материализма представляет собой вывод из центрального тезиса марксизма — о диалектическом единстве мышления и бытия, теории и практики. Оно есть учение о том, что диалектическая логика представляет собой теорию познания, теорию связи мысли с вечно текучей и стремящейся вперед жизнью; учение, вооружающее науку и практику могучим оружием диалектического метода.

Это такое философско-логическое учение, перед логической и жизненной силой которого рассыпаются, как карточные домики, жалкие построения формалистов и позитивистов как в в области самой логики, так и в естественных и общественных науках, а также во всех сферах жизни.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Карл Маркс.— Тезисы о Фейербахе.
Карл Маркс. — К критике политической экономии. Введение.
Карл Маркс.— Капитал, т. I. Послесловие ко 2-му изданию.
Карл Маркс.— Письмо к Кугельману от 11 июля 1868 года.
Фридрих Энгельс.— Людвиг Фейербах.
Фридрих Энгельс. — Карл Маркс. К критике политической экономии.
Фридрих Энгельс. — Анти-Дюринг. Отдел I.
Фридрих Энгельс. — Диалектика природы. Раздел «Диалектика».
Фридрих Энгельс. — Письмо к Шмидту от 12 марта 1895 года.
В. И. Ленин. — Что такое, «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Часть 1.
В. И. Ленин. — Материализм и эмпириокритицизм.
В. И. Ленин. — Конспект книги Гегеля «Наука логики».
В. И. Ленин. — Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии».
В. И. Ленин. — К вопросу о диалектике.
В. И. Ленин.— Карл Маркс.
В. И. Ленин. — Письма о тактике.
В. И. Ленин. — Еще раз о профсоюзах.
В. И. Ленин. — О значении воинствующего материализма.
Н. С. Хрущев. — Доклад на XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Новая площадь, д. 3/4.

Автор
Лев Александрович Маньковский

Редактор **Л. А. Завелев**
Техн. редактор **Л. Е. Атрощенко**
Корректоры: **Н. М. Краснопольская** и **Н. Н. Огородникова**
Обложка художника **И. Тарасова**

А02896. Подписано к печати 10/IV 1959 г. Тираж 64 000 экз. Изд. № 9. Бумага 60×92¹/₁₆—1,5 бум. л.=3,0 печ. л. Уч.-изд. 3,04 л. Заказ № 404.

Типография издательства «Знание», Новая пл. д. 3/4.

60 коп.

НЕ ЗАБУДЬ ПОДПИСАТЬСЯ

на 2-е ПОЛУГОДИЕ 1959 года

на брошюры-лекции издательства «Знание»!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

Первая серия — по вопросам истории КПСС, истории СССР и всеобщей истории — 20 брошюр, 12 руб.

Вторая серия — философия, государство и право, педагогика и научно-атеистические знания — 20 брошюр, 12 руб.

Третья серия — политическая экономия и конкретная экономика — 20 брошюр, 12 руб.

Четвертая серия — научно-техническая — 18 брошюр, 10 руб. 80 коп.

Пятая серия — сельскохозяйственная — 16 брошюр, 8 руб.

Шестая серия — литература и искусство — 12 брошюр, 6 руб.

Седьмая серия — вопросы международной жизни — 12 брошюр, 7 руб. 20 коп.

Восьмая серия — биология и медицина — 12 брошюр, 7 руб. 20 коп.

Девятая серия — химия, физика, география и астрономия — 14 брошюр, 8 руб. 40 коп.

Десятая серия — молодежная — 6 брошюр, 3 руб. 60 коп.

Подписка по всем сериям принимается городскими и районными отделениями «Союзпечать», местными почтовыми отделениями и общественными уполномоченными на предприятиях и в учреждениях.